

Д. Д. Сонцов

**Альбом пятидесятилетнего юбилея
Московского Императорского Общества
любителей конского бега 1834-1884**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Д. Сонцов**
Альбом пятидесятилетнего юбилея Московского Императорского Общества любителей конского бега 1834-1884 / Д. Д. Сонцов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 308 с.

ISBN 978-5-458-06676-1

Альбом пятидесятилетнего юбилея Московского Императорского Общества любителей конского бега 1834-1884 составлен и издан Д.Д. Сонцовым

ISBN 978-5-458-06676-1

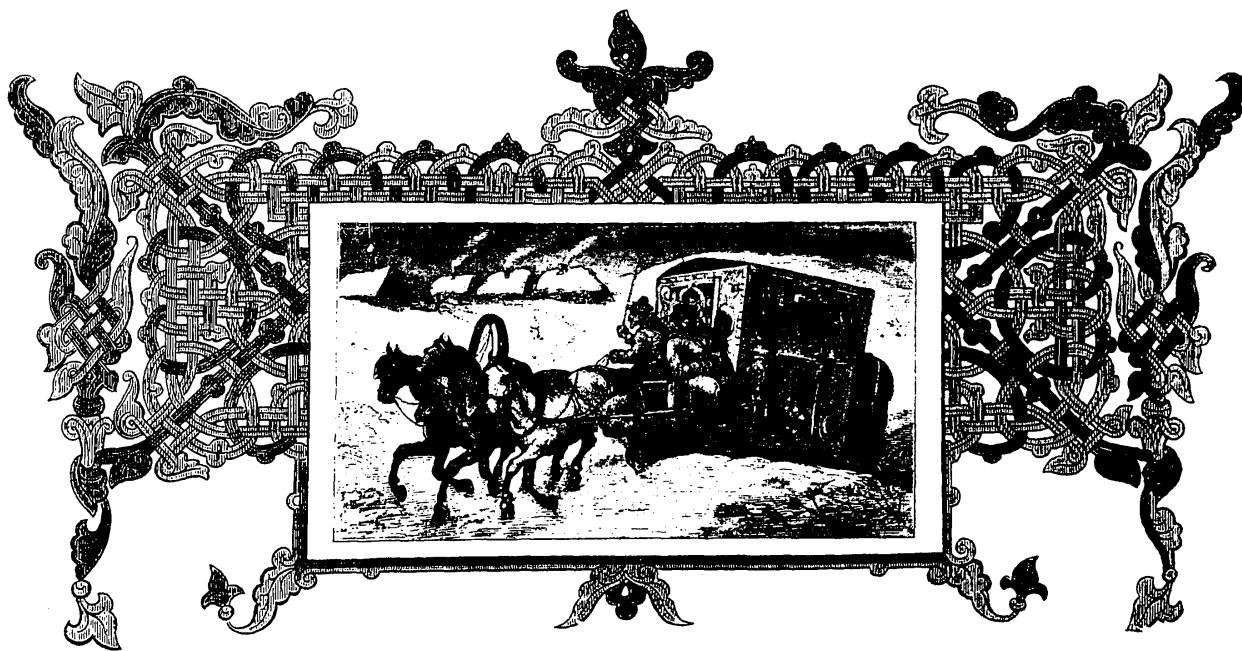
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

Вонятіе о лошади, какъ о чемъ-то прекрасномъ, благородномъ и близко стоящемъ къ человѣку, существовало у людей съ незапамятныхъ временъ. Подобное явленіе очень естественно тѣмъ болѣе, если принять въ расчетъ, что находящійся еще въ младенствѣ народъ, созная и поражаясь всѣми качествами лошади, не могъ отъ нихъ отрѣшиться въ своихъ легендахъ, мифахъ, вѣрованіяхъ и тѣмъ самымъ далъ намъ возможность въ настоящее время смѣло охарактеризовать взглядъ древней эпохи. Древній мифъ запрягаетъ въ колесницу солнца быстрыхъ и рьяныхъ коней, управлять которыми присуще только одному божеству ¹⁾. Тотъ же мифъ приписываетъ конямъ Ахиллеса, кромѣ обыкновенныхъ качествъ, и даръ прорицанія, вліяющей на судьбу героя Иліады ²⁾. Быстрота и красота лошади, соединенныя съ другими качествами, удивляли человѣка и заставляли его обращать особенное вниманіе на это благородное животное и выдѣлать ему въ ряду другихъ почетное мѣсто; поэтому и не мудрено, повторяю, что человѣкъ, находясь на первыхъ ступеняхъ культуры, часто воспѣвалъ въ своихъ поэтическихъ сказаніяхъ необходимаго спутника, покорнаго слугу, а иногда и вѣрнаго своего друга—борзаго коня. Часто въ его образѣ олицетворя-

¹⁾ Мифы классич. древн. Штоль ст. 16. 93. Овидій I. 750, II, 866. „Мегамор.“

²⁾ Гомеръ „Иліада“. Штоль миф. II ст. 118.

лись могучія силы природы, уподобляясь по быстротѣ урагану и вѣтру. Нашъ ученый изслѣдователь русскаго древняго мифа Г. Афонасьевъ, объясняя уподобленіе стихійныхъ явленій говорить, что „человѣкъ невольно переноситъ на божественныя стихіи формы собственнаго тѣла или знакомыхъ ему животныхъ, разумѣтся, формы болѣе совершенныя, идеальныя, соотвѣтственно дѣйствительному могуществу стихій“. ³⁾ Въ силу того же убѣжденія мы находимъ въ позднѣйшемъ санскритѣ названіе коня, какъ эпитетъ солнца; тоже уподобленіе является и у славянскихъ народовъ въ поэтическихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ ⁴⁾.

Первыя указанія на лошадь, какъ домашнее животное, относятся къ временамъ глубокой древности. Геологическія раскопки, произведенныя въ Даніи, дали возможность констатировать фактъ существованія лошади еще въ эпоху бронзоваго вѣка. Такъ при изысканіяхъ въ слояхъ торфа, найдены были остатки лошадиныхъ и собачьихъ костей ⁵⁾. Профессоръ Рютимееръ встрѣтилъ то же самое при изученіи свайныхъ построекъ ⁶⁾. Эти изысканія даютъ возможность заключить, съ какихъ давнихъ поръ привыкли люди пользоваться трудомъ лошади, наблюдать за ея нравомъ, встрѣчать въ ней постоянного, вѣрнаго товарища. Понятно, что такого рода отношенія не могли пройти безъ слѣда, что и выразилось въ тѣсной связи человѣка и коня. Эта тѣсная связь издавна установилась между господиномъ и конемъ: — связь, о которой не разъ упоминается въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ: такъ русскій сказочный богатырь на распутьи дорогъ читаетъ пророческія надписи, которыя указываютъ на участь, могущую постигнуть его самого или его вѣрнаго слугу при избраніи ими пути дальнѣйшаго геройскаго странствованія ⁷⁾. Потокъ Михайло Ивановичъ посаженъ въ могилу жены вмѣстѣ съ своимъ конемъ раздѣляющимъ участь своего господина ⁸⁾; наконецъ всѣмъ извѣстенъ лѣтописный рассказъ о Вѣщемъ Олегѣ, погибшемъ, какъ предсказалъ ему старецъ-кудесникъ, отъ змѣи, выползшей изъ черепа давно умершаго любимаго его коня ⁹⁾ и вариантъ этого повѣствованія въ исландской сагѣ, сообщенной Торфеемъ о рыцарѣ Орварь-Олда, погибшемъ отъ ящерицы, вылѣзшей изъ черепа его коня—Фокса ¹⁰⁾. Всѣ эти и другія подобныя имъ эпическія сказанія даютъ возможность заключить о той взаимной привязанности, какой пользовалась лошадь въ жизни человѣка и той симпатіи, съ какой молодой народъ олицетворялъ эту привязанность. Лошадь всюду должна была слѣдовать за своимъ господиномъ, онъ съ ней не долженъ былъ разставаться не только при жизни, но даже и по смерти; поэтому при погребеніи у древнихъ Славянъ, по рассказамъ азіатскихъ писателей, какъ напр. Ибнъ-Фоцлана ¹¹⁾

³⁾ Афонасьевъ, Поэтич. возр. Слав. на природу. т. I стр. 592, 593.

⁴⁾ Тамъ же. стр. 61.

⁵⁾ Лейбелль. Геологія стр. 13.

⁶⁾ Тамъ же стр. 19.

⁷⁾ Афонасьевъ. Собр. Русск. Сказ. Рыбниковъ. Тоже. Жуковский. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ.

⁸⁾ Буслаевъ Русс. Нар. Поэз. т. I стр. 89.

⁹⁾ Полевой Ист. Рус. Нар., стр. 133 М. Погодинъ. Др. Рус. Ист. стр. 25. Ипатьев. лѣт. стр. 23.

¹⁰⁾ Карамзинъ Ист. Госуд. Россійск. т. I стр. 23.

¹¹⁾ Вестужевъ-Рюминъ Рус. Ист. стр. 27.

и Якута ¹²⁾), арабскаго географа VIII в., вмѣстѣ съ другими вещами, принадлежавшими умершему—оружіемъ, домашнею утварью, въ могилу слѣдоваль также и конь. Первый изъ названныхъ писателей, описывая самый обрядъ погребенія, говоритъ, что предварительно гоняли лошадь до тѣхъ поръ, пока она не падала отъ изнеможенія и не умирала ¹³⁾). Именно въ этомъ фактѣ можно предположить, что право на жизнь дорогаго животнаго было неотъемлемымъ правомъ покойнаго; если же предположить противное, то коня скорѣе бы убили, а не дали бы умереть своей смертию. И такъ человѣкъ и лошадь были неразлучны, такъ сказать слиты воедино: вмѣстѣ они представляли изъ себя мощь и силу, — витязь лишившись коня терялъ главную свою опору и защиту въ кочевой жизни, наполненной боевыми трудами и постоянными странствованіями по дикимъ, едва проходимымъ мѣстамъ.

Не рѣдко жизнь человѣка, подвергаясь опасности, искупается цѣною жизни коня и наоборотъ ¹⁴⁾). Для витязя найти себѣ коня, который по своимъ качествамъ могъ бы удовлетворить всѣмъ его требованіямъ, было задачей далеко не легкой; его конь долженъ обладать силою, быстротою и выносливостію, долженъ быть храбръ и неустрашимъ, какъ и самъ богатырь. По древнимъ легендамъ человѣкъ избиваетъ мечемъ десятки враговъ, его конь топчетъ ногами цѣлыя сотни ¹⁵⁾); отъ свиста Соловья Разбойника конь Ильи Муромца спотыкается, богатырь бранитъ его за трусость ¹⁶⁾); тотъ же конь въ нѣсколько скачковъ переноситъ своего хозяина черезъ рѣки, озера, горы и долины прямо въ столичный городъ Кіевъ, предъясныя очи Великаго Князя Владиміра—Красное Солнышко. Трудность пріобрѣтенія боеваго коня выражается древнимъ эпосомъ весьма наглядно. Къ этому можно отнести образное выраженіе семи замковъ и желѣзныхъ воротъ, подземелій и пещеръ, куда скрывался волею судьбы или чарами темной силы красавецъ съ золотой гривой и огненными глазами—конь-богатырь.

Смышленость и умъ лошади также играли не малую роль въ развитіи привязанности человѣка къ этому животному. Какъ мы уже выше сказали, у Гомера конямъ Ахиллеса приписывался даже даръ прорицанія; схожее сказаніе встрѣчается и у Славянъ, а именно: въ древнемъ Арконскомъ храмѣ на островѣ Рюгенѣ, посвященномъ Свѣтовиду, находился бѣлый конь, на которомъ, по народному повѣрью, богъ ѣздилъ по ночамъ. При началѣ какого либо предпріятія, исходъ котораго былъ неизвѣстенъ и загадоченъ, жрецы проводили этого коня чрезъ копы и если онъ шагаль прежде лѣвой ногой, то это означало, что задуманное предпріятіе должно было окончиться неудачно, если же правой — то наоборотъ ¹⁷⁾). Понятливость лошади наблюдалась человѣкомъ всегда и вездѣ и служила новой притягательной силой для оказываемаго ей вниманія и любви. Конь Ильи Муромца понимаетъ слова

¹²⁾ М. Погодинъ Др. Рус. Ист. стр. 29.

¹³⁾ Вестужевъ-Риминъ Рус. Ист. стр. 27.

¹⁴⁾ Буолаевъ Рус. Нар. Повѣя т. I ст. 89.

¹⁵⁾ Кирѣевскій Пѣсни, ст. 76.

¹⁶⁾ Тамъ-же стр. 18, 76, 78.

¹⁷⁾ Каракзинъ. Истор. Госуд. Россійск.

своего хозяина и, ободренный, неустрашимо везет богатыря къ семи дубамъ — жилищу Соловья Разбойника. Позднѣе, уже на глазахъ исторіи, Князь Андрей ставитъ на берегу р. Стыри памятникъ своему коню, уму котораго обязанъ былъ сохраненіемъ жизни: чувствуя себя не въ состояніи служить герою, этотъ конь вынесъ Князя изъ толпы враговъ и палъ мертвымъ ¹⁸⁾. Въ поэтической легендѣ древняго Ирана о Рустемѣ и Зорабѣ, родившейся подъ знойнымъ небомъ Персіи, такъ воспѣвается смысленность коня Зораба ¹⁹⁾:

„Въ шатеръ взглянувши быстро,
Могучій конь оторопѣлъ,
Его поникла голова
И до земли упала грива.
Обѣими руками
Обнявши голову его, Рустемъ
Его поцѣловаль, потомъ
Коню, сложивъ съ него узду,

Сказаль: отнынѣ никому
Ты не служи, Зорабовъ конь;
Ты воленъ! Поняль конь разумный
Его слова: онъ жалобно
Заржалъ, ужасно прынулъ
Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ.
И скрылся, и его съ тѣхъ поръ
Никто нигдѣ не встрѣтилъ.

Подобныя же повѣствованія о понятливости и умѣ лошади мы находимъ у Арабовъ, Сирійцевъ и жителей Алжиріи въ различныхъ вариантахъ, но клонящихся доказать ту же мысль ²⁰⁾. Какъ русскій князь Олегъ и Виконгъ Орваръ-Одда были не въ силахъ преодолѣть желанія отдать послѣдній долгъ признательности и зло подсмѣяться надъ лживыми прорицаніями, лишившими ихъ вѣрныхъ спутниковъ, такъ и вождь Рустемъ спѣшитъ подѣлиться своею скорбью и привлечь коня къ участию въ этомъ горѣ о потерянномъ сынѣ. Этотъ фактъ равносильнъ прямому указанію на призваніе Рустемомъ способности умнаго животнаго раздѣлить глубокую тоску неожиданной потери. Всякой скорби есть предѣлъ и у людей существуетъ предположеніе, что если возможно только излиться, то становится легче: „горе вдвоемъ—поль-горя“ говоритъ пословица. Конечно нельзя предполагать, что этотъ выходъ можетъ быть благотворенъ въ томъ случаѣ, если скорбь будетъ излита передъ бессознательнымъ существомъ, а потому такого рода обращеніе витязя къ коню доказываетъ увѣренность, что онъ можетъ быть понятъ и что его субъективное горе есть ихъ общее горе.

Въ настоящее время лошадь, какъ домашнее животное, встрѣчается почти по всему земному шару и успѣшно переноситъ всякій климатъ; исключеніе представляютъ собою только полярныя страны, гдѣ она не можетъ быть акклиматизирована большею частію по недостатку корма. Отечествомъ или центромъ, откуда распространилась по всему свѣту порода лошадей, должно считать среднюю Азію. Историческихъ данныхъ для опредѣленія времени, когда могла появиться лошадь на равнинахъ восточно-европейской низменности, нѣтъ; по всей вѣроятности прежде, во времена глубокой древности, до Геродота, по солончаковымъ степямъ между Каспійскимъ

¹⁸⁾ Тамъ же.

¹⁹⁾ Полное собраніе сочин. Жуковскаго т. VI стр. 221.

²⁰⁾ Вѣст. Ест. Наукъ статья проф. Калиновскаго.

съ одной стороны и Чернымъ съ Азовскимъ морями съ другой, бродили табуны дикихъ коней, перебравшихся сюда съ береговъ Оксуса. Первое указаніе на существованіе лошади въ странѣ, занимаемой Россійской Имперіей, мы находимъ у Геродота, въ его сказаніяхъ о Скифахъ, народѣ, населявшемъ нынѣшнюю Южную Россію; этотъ историкъ, характеризуя воинственное населенія края въ тѣ времена, упоминаетъ, что Скифы вступали въ битву преимущественно въ конномъ строю на своихъ быстрыхъ скакунахъ. Позднѣ сказанія о Скифахъ, Сарматахъ и Аланахъ смѣшиваются у греческихъ исторіографовъ съ повѣствованіями о славянскихъ племенахъ. Въ этихъ историческихъ памятникахъ попадаются весьма разнорѣчивыя данныя относительно культуры лошадей, какъ домашнихъ животныхъ, у славянъ; такъ Аміанъ Марцеллинъ пишетъ, что Аланы, народъ кочевой, бродятъ отъ одного пастбища къ другому, при чемъ перевозятъ женъ и дѣтей своихъ въ особоустроенныхъ колесницахъ²¹⁾. Очевидно въ эти повозки впрягались способныя животныя. Противоположное мнѣніе мы встрѣчаемъ у Константина Багрянороднаго и у Льва Діакона, которые утверждаютъ, что у Славянъ не было коней, а они ихъ доставали отъ Печенѣговъ, и что воины Святослава, пришедшіе съ своимъ княземъ къ Доростолу, сѣли на коней въ первый разъ, при чемъ показали себя вполне неумѣлыми наѣздниками²²⁾. Но это историческое свидѣтельство мнѣ кажется лишеннымъ основанія, такъ какъ чрезъ степи Россіи постоянно проходили разныя кочевыя орды лихихъ наѣздниковъ, никогда не расстававшихся съ своими конями, и коренное населеніе не могло не позаимствовать у пришельцевъ ихъ пріемовъ управленія лошадьми, а потому я и утверждаю, что вышеприведенное указаніе греческихъ писателей X вѣка по всему вѣроятію относилось къ варяжскимъ дружинамъ, болѣе опытнымъ въ войнѣ на морѣ и въ пѣшемъ строю, чѣмъ къ Славянамъ. Да и кромѣ того есть прямыя свидѣтельства русскихъ лѣтописей, въ которыхъ указывается, что разведеніе лошадей, какъ домашняго животнаго, на равнинахъ Россіи было давнишнимъ занятіемъ населенія, благодаря природнымъ условіямъ мѣстности, обладавшей тучными пастбищами²³⁾. Въ Несторовой лѣтописи упоминается, что дружина Святослава частью состояла изъ всадниковъ²⁴⁾; это свидѣтельство прямо противорѣчитъ словамъ Льва Діакона. Собираясь въ походъ, князь говоритъ дружинѣ: „братіе, съ Рождества Христова полѣзите на коней, и съ Рождества Христова полѣзоша на кони²⁵⁾“.

О существованіи не только домашнихъ, но и дикихъ лошадей въ Россіи весьма опредѣленно говорится въ „Завѣщаніи“ Великаго Князя Владиміра Мономаха: „Любя охоту, мы часто ловили звѣрей своими руками, я часто вязалъ дикихъ коней вдругъ по нѣскольку²⁶⁾“.

²¹⁾ Карамзинъ Ист. Госуд. Россійс. т. I стр. 13 (Аміанъ Марцеллинъ).

²²⁾ тамъ же примѣч. 243 стр. 160. М. Погодинъ Древ. Рус. Ист. стр. 780.

²³⁾ Карамзинъ Ист. Госуд. Россійс. т. I. 64, 89.

²⁴⁾ Соловьевъ Ист. Россій т. I стр. 139.

²⁵⁾ Платьевская лѣтопись стр. 45.

²⁶⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. II ст. 165.

машняго животнаго, мы можем вывести заключеніе изъ того факта, что по языческому міровоззрѣнію нашихъ предковъ однимъ изъ наиболѣе чтимыхъ божествъ являлся Волось²⁷⁾, именемъ котораго при Олегѣ клянутся Русскіе въ исполненіи договора съ Греками наравнѣ съ Перуномъ—верховнымъ богомъ²⁸⁾. Первоначально Волось былъ богомъ Солнца²⁹⁾ и подъ его покровительствомъ находился домашній скоть, въ томъ числѣ и лошади—главное богатство народа³⁰⁾; очевидно, если бы не существовало въ то время объекта покровительства, какимъ бы образомъ могло явиться представленіе о необходимости протектората?

Въ высшей степени интересны тѣ юридическія нормы, какія постановлялись первыми русскими князьями для охраненія права на дорогое, а иногда даже и незамѣнимое животное. Конокрадство преслѣдуется у насъ съ древнѣйшихъ временъ; мы встрѣчаемъ карательныя статьи, направленныя противъ этого преступленія, въ первомъ нашемъ законодательномъ памятникѣ „Русской правдѣ“ В. К. Ярослава Мудраго. Мѣры наказанія за воровство лошади были очень строги: тать коневый выдается головою князю и теряетъ все права гражданскія, вольность и собственность, жилище вора отдается на „потокъ“ (разграбленіе) и самъ онъ подвергается изгнанію³¹⁾; въ томъ же Уложеніи есть и другая статья, начинающаяся словами: „Оже кто всядетъ на чужъ конь и т. д.“³²⁾, которою карается не только нарушеніе права собственности на животное, но даже и самовольное обладаніе. Подобныя же законодательныя мѣропріятія мы встрѣчаемъ также и у другихъ народовъ; такъ по древнимъ Саксонскимъ законамъ осуждался на смерть тотъ, кто уведетъ чужую лошадь³³⁾. Все эти строгости оправдываются существовавшимъ взглядомъ общества на такого рода посягательство злоумышленниковъ. Кара закона въ настоящемъ случаѣ есть отголосокъ народнаго убѣжденія. Разсуждая по поводу Статей Русской Правды нашъ Исторіографъ Карамзинъ говоритъ, что „строгость ихъ понятна потому, что столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и путешествіяхъ“³⁴⁾. Если народъ воспроизводилъ въ мифахъ, легендахъ и пѣсняхъ формы, поражавшія его своей красотой или какими либо особенностями, то подобное явленіе еще понятнѣе въ желаніи изобразить такія формы. Отсюда можно считать появленіе рисунка и изваянія. Человѣкъ съ самой глубокой древности началъ украшать такимъ образомъ разные предметы. На кости мамонта, найденной въ пещерѣ Магдалины во Франціи вырѣзано изображеніе мамонта, на рогѣ оленя добытаго въ Пригорѣ видно изображеніе какого-то рогатаго животнаго; Ларте и Кристи говорятъ о найденномъ изображеніи

²⁷⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. I ст. 12 примѣч.

²⁸⁾ Стат. проф. Срезневскаго Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г.

²⁹⁾ Сняпосисъ Кіевскій.

³⁰⁾ Карамзинъ Ист. Гос. Россіи.

³¹⁾ „Рус. Правда“.

³²⁾ Древ. Р. И. М. Погодина т. II ст. 730.

³³⁾ Рѣчь академика Струве ст. 10.

³⁴⁾ Истор. Гссуд. Рос. т. II стр. 52.

двухъ головъ лошадей и человѣка; наконецъ у насъ въ Олонецкой губерніи отысканы боевые каменные молоты, изображающіе голову медвѣдя и лося. Эти изображенія изъ полированныхъ камней Морло (Morlot) относятъ къ незапамятной древности (до 7000 лѣтъ)³⁵). Желаніе украшеній и изваяній, ласкающихъ глазъ перешло отъ доисторическаго человѣка къ его потомкамъ. Стѣны древнихъ Ассирійскихъ памятниковъ и Египетскихъ пирамидъ украшены рисунками изображающими цѣлыя историческія событія. — Изъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ барельефовъ и фресковъ уже можно выводить понятіе о формахъ изображаемаго; такъ что о лошади можно сказать, что она была очень типична, массивна, съ толстой шеей, круглымъ задомъ и не велика. Къ числу изображеній явившихся у насъ можно отнести изображеніе коней и всадниковъ на монетахъ³⁶). Типъ этихъ лошадей весьма сходенъ съ описаннымъ нами выше, и можно допустить, что этотъ типъ не изображаетъ современную лошадь, а позаимствованъ у Византійцевъ. При ученыхъ раскопкахъ, производимыхъ профессоромъ Ешевскимъ, имъ былъ вырытъ замокъ представлявшій коня; дужка этого замка изображала его хвостъ. Такіе замки дѣлались по образцу греческихъ, на что мы видимъ указаніе въ исторіи Бестужева-Рюмина³⁷). На площади стольнаго города Кіева при великомъ князѣ Владимірѣ стояли мѣдныя изображенія коней также греческаго происхожденія³⁸). Заключать изъ всѣхъ этихъ изображеній что-либо относящееся до русской мѣстной лошади положительно невозможно, такъ какъ въ силу сказаннаго всѣ выводы относились бы скорѣе къ классическимъ типамъ.

Самая страсть къ состязаніямъ на лошадяхъ проявилась у человѣка также съ весьма давняго времени. Еще въ историческихъ данныхъ античныхъ государствъ Греціи и Рима мы находимъ эту страсть достаточно развившеюся, гдѣ дѣло спорта получило прочную основу. Въ древней Греціи на Олимпійскихъ играхъ, совмѣстно съ тѣлесными упражненіями людей, единоборствомъ, бросаніемъ диска, бѣганьемъ въ обгонку входятъ въ программу празднествъ и состязанія на колесницахъ, запряженныхъ конями. Въ Римѣ ристалища, перенесенныя изъ Греціи по образцу Олимпійскихъ, пріобрѣтаютъ въ скоромъ времени полное право гражданственности и достигаютъ громаднaго развитія. „Рацем et circenses“! вопила избалованная зрѣлищами римская чернь. Самъ императоръ Неронъ при восторженныхъ кликахъ народа, правилъ на аренѣ цирка четверкой рьяныхъ и бѣшеныхъ коней, побѣждая своихъ соперниковъ³⁹).

Въ героическій періодъ у всѣхъ народовъ умѣть владѣть конемъ было также необходимо, какъ владѣть копьемъ и мечемъ; отъ этого умѣнья управлять искусною рукою животнымъ, дѣлать его послушнымъ своей волѣ, зависѣло многое въ успѣхѣ героическаго предпріятія. Древніе эпическіе герои Троянской войны выѣзжали на смертный бой въ колесницахъ и только, вступая въ единоборство, оставляли ихъ, чтобы со

³⁵) О кам. вѣкѣ Д. П. Сонцова ст. 10, 11.

³⁶) Нумизматическія изслѣдованія А. Черткова и Д. Сонцова.

³⁷) Ист. Р. Бестужева-Рюмина ст. 56.

³⁸) Ист. Гос. Рос. Карамзина т. I стр. 237.

³⁹) Исторія Шлецера, Вебера. Ист. Рос. проф. Груббе.

всею силою своего мужества броситься другъ на друга ⁴⁰). Въ средніе вѣка, въ эпоху рыцарскихъ скитаній и блестящихъ турнировъ, когда съ дикою энергіей ломались копыя о щиты предъ многочисленнымъ собраніемъ избраннаго общества во имя любви, вѣрности и преданности, на ряду съ состязаніемъ въ силѣ и ловкости самихъ рыцарей имѣло значеніе и качество ихъ коней, ибо слабый конь не могъ выдержать мощнаго удара копыя или меча противника, или догнать соперника и тѣмъ самымъ доставить побѣду своему господину.

Въ нашихъ былинахъ храбрый витязь и добрый конь во всѣхъ своихъ странствованіяхъ идутъ на ряду другъ съ другомъ: какъ для одного, такъ и для другаго нѣтъ соперниковъ; для перваго безсильны цѣлыя полчища враговъ, для другаго ничего не значитъ пространство. Съ переходомъ славянскихъ народовъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой характеръ быliny получаетъ другой колоритъ: для витязя Волги богатыря изъ героической эпохи скитаній, является соперникъ въ оратаѣ Микулукъ-Селяниновичѣ, богатырѣ осѣдлой жизни, и заслуженный боевой конь Волги уступаетъ въ быстротѣ кобылкѣ оратаюшки ⁴¹). Хорошему управленію конемъ русскія быliny придаютъ такое же значеніе, какъ и умѣнью владѣть копьемъ и мечемъ, такъ на ряду съ выраженіемъ „взять на щитъ“ (что означало „побѣдить, одолѣть врага“) встрѣчается выраженіе „сѣсть на коня“, тождественное „идти на войну, вступить въ бой.“ Намѣреваясь осуществить предполагаемый походъ, князь говоритъ дружинѣ: „Братіе, съ Рождества полѣзите на конь“. Прямаго указанія на состязанія, подобныя греческимъ и римскимъ, въ древней Руси въ нашихъ историческихъ памятникахъ нѣтъ, но мы въ правѣ предположить, что они существовали при тризнахъ, при поминкахъ умершихъ и на игрищахъ на ряду съ пирами ⁴²). Историкъ Августъ Шлѣцеръ, разбирая лѣтопись Нестора, находитъ такого рода тризны сходными съ обычаями и у древнихъ Пруссовъ. Сергій Михайловичъ Соловьевъ, описывая славянскія тризны, указываетъ на происходившіе на нихъ кромѣ веселья различные бои, изъ чего и можно предположить, что въ этихъ бояхъ кромѣ разнаго рода тѣлесныхъ упражненій были и состязанія на коняхъ, какъ необходимый элементъ боя въ силу предшествующихъ выводовъ. По этому объясненію самое слово тризна означаетъ и веселье и бой ⁴³).

Въ московскій періодъ русской исторіи духовенство неодобрительно относилось ко всякаго рода забавамъ и даже запрещало простую охоту на дикихъ звѣрей; о состязаніяхъ, ристалищахъ въ этотъ періодъ мы не находимъ никакихъ данныхъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ; въ „Степенной книгѣ“, писанной преосвященными Киприаномъ и Макаріемъ, порицается всякаго рода охота; подлинное мѣсто, сводящее страсть къ охотѣ на степень „пустошествъ“ и даже грѣха заключается въ слѣдующемъ: „Горе глумящимся животными и позоры смѣхотворны,

⁴⁰) Илиада Гомера.

⁴¹) Пѣсни Рыбникова стр. 32, 33.

⁴²) Карамзинъ Ист. Госуд. Росс. Стригеръ стр. 15.

⁴³) Соловьевъ прим. къ Ист. Рос. т. X стр. 70.

иже аще кто медвѣдя или иная животная въ различныя игрища прехищья и глумы дѣя и на позоры челоуѣка собиралъ и ловитвамъ прилѣжай, и уристанія твоя на конехъ и колесницахъ и потѣхи самоборства и прочія боренія и всякія скоумрашества, и не токмо самъ кто сіе творяи, но и слышай, кто въ сладость едино запрешеніе имать еже въ сихъ съ епитиміею каятися престати отъ таковыхъ понеже въ таковыхъ потѣхахъ не едино благихъ приобрѣтеніе бывастъ, но токмо грѣхомъ приобщеніе и тщета имѣніи . . . и сего ради истинно вѣрнымъ христіанамъ отъ таковыхъ Богоненавистныхъ дѣлъ пустошныхъ подобаетъ уклонитися ⁴⁴⁾“. Тотъ же взглядъ на охоту существовалъ и позже, въ началѣ XVII вѣка, такъ Лже-Димитрію современники, исконные русскіе люди, порицая новшества, введенныя имъ на Руси и позаимствованныя изъ Польши, ставятъ въ укоръ страсть его къ охотѣ, къ укрощенію коней, о чемъ свидѣлствуютъ намъ письменные памятники ⁴⁵⁾. Этотъ взглядъ долженъ показаться вполне несомнѣемымъ, если припомнить, что охота въ то время признавалась однимъ изъ удовольствій нашихъ царей. Въ оправданіе же можетъ быть представлена лишь та мысль, что, быть можетъ, укоризна эта относилась лично къ Лже-Димитрію или къ тому способу, какимъ онъ велъ охоту, также какъ порицалось, что онъ ходилъ одинъ, неподдерживаемый боярами, садился самъ на коня, ѣлъ телятину и былъ врагъ всякой чепорности.

И такъ, прослѣдивъ по историческимъ памятникамъ все относящееся до русской лошади, до ея значенія для населенія Россіи, мы все же не можемъ придти къ чему-либо опредѣленному касательно того прежняго типа, какой имѣла русская лошадь въ до-петровскую эпоху, хотя и обладаемъ довольно богатымъ историческимъ матеріаломъ. Изъ него мы видимъ, что лошади водились въ Россіи въ большомъ количествѣ, что онѣ составляли необходимость и въ военное и въ мирное время, какъ для земледѣлія, такъ и для передвиженія изъ конца въ конецъ неизмѣримаго государства, но были ли самостоятельныя, мѣстныя породы или же разводились приобрѣтенныя гдѣ-либо, сказать трудно. Въ русской исторіи встрѣчается масса случаевъ, указывающихъ на распространенность лошади въ Россіи, на любовь царей русскихъ къ ней и на способы передвиженія ихъ; такъ на Куликовомъ полѣ у Дмитрія Донскаго было до 70,000 конницы. Іоаннъ Грозный потѣшался въ молодости быстрой ѣздой ⁴⁶⁾. У нашихъ царей и царицъ была масса колымагъ и каретъ, въ которыя запрягались лошади, напримѣръ Царица Марфа выѣзжала на встрѣчу Дмитрію Самозванцу въ каретѣ ⁴⁷⁾, но какой породы были эти всѣ возившія и носившія лошади, сказать опредѣленно нельзя, хотя есть нѣкоторыя указанія на счетъ верховыхъ лошадей, что они преимущественно были изъ породы такъ называемыхъ аргамаковъ, приобрѣтавшихся у азіатскихъ кочевниковъ. Г-нъ Мердеръ въ своемъ историческомъ очеркѣ русскаго коневодства высказываетъ мнѣ-

⁴⁴⁾ Степенная книга глав. XVI стр. 89.

⁴⁵⁾ Вутурлинь Ист. Смут. врем. ч. II стр. 11 стр. 156.

⁴⁶⁾ Н. Полевой Ист. Рус. Нар. стр. 225.

⁴⁷⁾ Вутурлинь Ист. Смутн. врем. ч. II ст. 156

ніе, что русскія лошади того времени представляли смѣсь различныхъ породъ азіатскихъ и мѣстныхъ лошадей.

Обращаясь теперь къ тѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, какія предпринимались въ виду улучшенія и распространенія важной отрасли хозяйства-коневодства, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что первыя попытки на этомъ поприщѣ относятся еще ко времени царствованія Іоанна III; при немъ было учреждено цѣлое управленіе, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго придворнаго чина — конюшаго, должность котораго являлась довольно видной и почетной. На обязанности конюшаго лежало не только завѣдываніе царской конюшней, но и отвѣтственность за всѣ принадлежности охоты. Помощникомъ конюшаго былъ ясельный, во время отлучки своего начальника, отправлявшій его должностныя обязанности. Къ этому же времени относится устройство 1-го казеннаго коннаго завода близъ Москвы подъ названіемъ Хорошевскаго ⁴⁸⁾. Въ 1511 году Великимъ Княземъ Василиемъ Ивановичемъ учрежденъ, такъ называемый, конюшенный приказъ; власть конюшаго начальника этого приказа растетъ все болѣе и болѣе; на сколько эта должность считалась почетною видно изъ того, что Лже-Димитрій I „страдальца“ Михаила Нагаго пожаловалъ въ санъ великаго конюшаго ⁴⁹⁾, какъ бы въ видѣ особой награды. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ видно, что въ этотъ періодъ исторіи существовали въ Россіи конюшенныя слободы, вѣроятно тѣ слободы, въ которыхъ находились государственные конскіе заводы; но и въ этихъ указаніяхъ мы не находимъ данныхъ для вывода заключенія, какихъ породъ лошади разводились въ этихъ заводахъ. Въ царствованіе Іоанна III имъ былъ полученъ въ подарокъ изъ Швеціи жеребецъ, замѣчательной красоты, отосланный въ заводъ; точно также есть указаніе, что позднѣе царю Θεодору Ивановичу были подарены Австрійскимъ Императоромъ нѣсколько лошадей, которыя также пошли въ государственныя заводы. Сколько было этихъ, принадлежавшихъ дворцовому вѣдомству заводовъ, достовѣрно не извѣстно, но во всякомъ случаѣ должно предположить, что ихъ было достаточное количество, такъ какъ потребное для двора число лошадей постоянно доставлялось ими, а это число было не мало, такъ въ дворцовой конюшнѣ царя Алексѣя Михайловича насчитывалось до 50,000 лошадей; изъ этого числа около 3000 было запасныхъ, 200 головъ верховыхъ, 100 особенно выбранныхъ для пословъ и около 40,000 для свиты царя въ военныхъ походахъ. Русскіе цари любили иногда въ торжественныхъ случаяхъ показаться народу въ пышныхъ экипажахъ, запряженныхъ лучшими конями изъ своей конюшни; обыкновенно кони тщательно вычищались и убирались дорогими уборами, на которыхъ нерѣдко сверкали самоцвѣтные камни, гривы заплетались разноцвѣтными лентами. О подобныхъ прогулкахъ мы встрѣчаемъ упоминанія у Забѣлина въ его книгѣ „Домашній бытъ русскихъ царицъ“; такъ напримѣръ онъ подробно описываетъ поѣздку царя Алексѣя Михайловича въ 1674 году 25 Октября въ село Преобра-

⁴⁸⁾ Aperçu historique par Moerder ст. 12.

⁴⁹⁾ Карамзинъ Ист. Гос. Россійс. т. XI стр. 237.